

ФИННО-УГОРСКИЕ И САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.511.21

С. В. Ковылин

ОБ ОТРИЦАНИИ ПРИ МЕСТОИМЕНЯХ И НАРЕЧИЯХ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются основные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в центральных диалектах селькупского языка на примере нарымского, васюганского и тымского диалектов. Отрицательные местоимения и наречия формируются при помощи показателя отрицания -*paј* и при использовании в предложении требуют после себя отрицательный предикат – происходит отрицательное согласование. Согласно выдвинутому тезису, отрицательные местоимения и наречия сформировались в рассматриваемых диалектах при помощи эмфатической частицы -*paј* ‘даже, тоже’, через цикл Есперсена, как частный случай процесса грамматикализации.

Ключевые слова: отрицательные местоимения и наречия, отрицание, грамматикализация, цикл Есперсена, исчезающие сибирские языки.

Селькупский язык является представителем южносамодийской группы уральской языковой семьи и демонстрирует совокупность диалектов, существенно отличающихся друг от друга на всех лингвистических уровнях [1, с. 4]. В данной работе будем опираться на классификацию Т. Янурика, согласно которой (дополненной С. В. Глушковым) селькупский язык можно подразделять на три диалектные группы – северную, центральную и южную [2, с. 50–53]. В **северную группу** входят шесть диалектов: 1) тазовский; 2) ларьякский (верхнетолькинский); 3) карасинский; 4) туруханский; 5) баихинский (баишенский); 6) елогуйский. **Центральную группу**, представляющую интерес для данного исследования, составляют четыре диалекта: 1) ваховский; 2) тымский; 3) васюганский; 4) нарымский. В **южную группу** входят пять диалектов: 1) среднеобской; 2) чаинский; 3) кетский; 4) верхнеобской; 5) чулымский.

Перед тем как перейти к анализу соответствующих местоимений и наречий, необходимо рассмотреть некоторые ключевые понятия, необходимые для последующего анализа.

Согласно наблюдениям М. Хаспельмата, довольно сложно дать четкую трактовку отрицательным неопределенным местоимениям. Так, им было предложено определять неопределенные отрицательные местоимения как неопределенные местоимения, чьей важной функцией является прямое отрицание [3, р. 199].

Что касается проблемы определения отрицательных наречий, необходимо сразу отметить, что данная тема до сих пор не исследована в полной мере, каких-либо специальных обобщающих типологических исследований и четких определений отрицательных наречий не имеется. В данной ста-

тье под отрицательными наречиями будут пониматься наречия, чьей функцией является прямое отрицание.

Часто при отрицании местоимений и наречий имеет место отрицательное согласование (*negative concord*) – это явление, когда двойное или множественное отрицание в результате не дает утверждения, а выражает одно (*семантическое*) отрицание [4, р. 57].

По нашему мнению, отрицательные местоимения и наречия сформировались при помощи единиц отрицательной полярности, которые ранее являлись эмфатическими клитиками (а еще раньше эмфатическими частицами), а затем при помощи цикла Есперсена, представляющего собой частный случай процесса грамматикализации, при реанализе превратились в морфологические отрицательные составляющие в составе отрицательных местоимений и наречий. При данном подходе единицы отрицательной полярности могут быть охарактеризованы как выражения, которые могут появляться внутри сферы действия отрицания [5, р. 49]. Под клитикой (энклитикой) понимается элемент, присоединяющийся к главному слову/группе (*host word*), обладающий одновременно свойствами отдельного слова и суффикса [6]. Под грамматикализацией понимается процесс, при котором из лексических (единиц) морфем (или комбинаций лексических морфем с другими лексическими или грамматическими морфемами) постепенно образуются новые грамматические морфемы [7, р. 4].

Под циклом Есперсена (частный случай процесса грамматикализации) понимается процесс перехода от стратегии единичного маркера отрицания в предложении к стратегии с двойным маркированием отрицания и затем снова к стратегии

с единичным маркером отрицания, но с утратой первого – изначального маркера отрицания [8, р. 88]. Существует несколько объяснений данного явления. Нами поддерживается объяснение, предложенное А. Мейе (Meillet¹ 1912), согласно которому нейтральное отрицание часто усиливается в прагматических целях – делается эмфатическим при помощи эмфатического маркера, затем эмфатический маркер обесцвечивается (*bleaching*), теряет эмфатическую функцию и становится дополнительным экспонентом к стандартному отрицанию. Затем дополнительный маркер вытесняет стандартный маркер отрицания, используясь как нейтральный маркер отрицания [9, р. 2].

a. *I did not see him.* b. *I did not see him at all.*

c. *I saw him at all.*

Отрицательные местоимения и наречия в центральных диалектах селькупского языка

Необходимо отметить, что мы разделяем точку зрения, согласно которой в центральных диалектах селькупского языка уже существуют самостоятельные отрицательные местоимения и наречия. Обоснование данной точки зрения будет предложено в разделе «Реконструкция» ниже.

Проблема отрицания местоимений и наречий в представленных диалектах селькупского языка уже обсуждалась в работах И. А. Ильяшенко [10], Э. Г. Беккер (и др.) [11], а также А. Ю. Фильченко [12, 13], В. В. Быкони [14], С. В. Ковылина [15]. Данные отрицательные местоимения и наречия образуются на базе соответствующих вопросительных местоимений и наречий и требуют дополнительного глагольного отрицания в предложении. При двойном отрицании происходит отрицательное согласование.

Для начала рассмотрим основные маркеры отрицания, которые используются повсеместно во всех диалектах селькупского языка (данные маркеры имеют соответствующие диалектные алломорфы): стандартное *aśa* 'NEG', императивное/оптативное, *ikə* 'NEG.IMP/NEG.OPT', бытийное – отрицательный бытийный глагол *čāyku-* 'отсутствовать' (см. Я. Алатало (2004) (№ 229, 204, 1563) [16]).

01 Сельк.Нарым. С-65 (стр. 67) «Сказка про брата и сестру»

<i>t'arb-a</i>	« <i>načide</i> a:	<i>kwil-l-ag-e</i> ».
думать-3SG.sub	туда NEG	пойти-OPT-1SG.sub-OPT.PART

Думает: «Туда не пойду».

02 Сельк.Вас. С-61 (стр. 155) «Хозяйка огня»

<i>tü:-m</i>	<i>igi</i>	<i>fedi-ad!</i>
огонь-ACC	NEG.IMP	плевать-IMP.2PL

В огонь не плюйте!

03 Сельк.Тым. С-56 (стр. 183) «Как звери солнце искали»

<i>nagər</i>	<i>t'el</i>	<i>t'elə-t</i>	<i>t'aŋ-s-a.</i>
три	день	солнце-POSS.3SG	отсутствовать-PST-3SG.sub

Три дня солнце отсутствовало.

В качестве глагольного отрицания повсеместно используется отрицательный модальный глагол *čedalbi-* 'не мочь, не уметь'.

04. Сельк.Вас. [1, с. 279]

<i>tabi-t</i>	<i>tü-p</i>	<i>čadi-gu</i>	<i>čedalb-adit.</i>
3SG-PL	огонь-ACC	зажечь-INF	не.мочь-3PL

Они не могут разжечь огонь.

Также в нарымском диалекте может использоваться отрицательный бытийный глагол *n'etu-* 'отсутствовать', возникший из русского отрицательного бытийного безличного глагола *нету*.

05. Сельк.Нарым. С-65 (стр. 184) «Рассказ о жизни»

<i>tabe-la</i>	<i>e-j-a</i>	<i>ili</i>	<i>n'etu-ŋ-ak.</i>
белка-PL	быть-PRS-3SG.sub	или	отсутствовать-PST-1SG.sub

Белки есть или нет (не было)?

06. Сельк.Нарым. С-65 (стр. 65) «Сказка про брата и сестру»

<i>pet</i>	<i>nej</i>	<i>mend-a</i>	<i>tim'na-de</i>	<i>n'etu.</i>
ночь	также	пройти-3SG.sub	брат-POSS.3SG	нету

Ночь снова прошла, брата нет.

Итак, для образования отрицательных местоимений и наречий используется суффикс *-naj* 'NEG', присоединяемый к основам вопросительных местоимений и наречий. Ниже приведены отрицательные местоимения и наречия, согласующиеся с дополнительным маркером отрицания при глаго-

¹ Meillet A. 1912. L'évolution des formes grammaticales. Scientia 12: 384-400. [Reprinted in Meillet, A. 1926. Linguistique historique et linguistique générale. 130-148. Paris: H. Champion].

ле или с отрицательным глаголом (происходит отрицательное согласование).

07. Сельк.Вас. С-61 (стр. 174) «Сказка про лесного и старуху»

tab qai-m-naj aya kadi-ku-d.
3SG что-ACC-NEG NEG сказать-НАВ-3SG.ob

Она ничего не говорит.

08. Сельк.Вас. С-61 (стр. 12) «Рассказ охотника»

ku-naj igi koja-eş!
куда-NEG NEG.IMP ходить-IMP.2SG.sub

Никуда не ходи!

09. Сельк.Тым. Т-6. (стр. 140)

huldziət kud-näj čang-a.
дома кто-NEG отсутствовать-3SG.sub

Дома никого нет.

10. Сельк.Нарым [11, с. 240]

sündie:-yande kai-nai netu-w-a.
середина-LOC. что-NEG отсутствовать-POSS.3SG PRS-3SG.sub

Внутри ничего нет.

11. Сельк.Нарым. С-42 (стр. 141) «Сказка про крота и кротику»

qaj-Rəp-naj qaj-naj n'etu.
что-LOC-NEG что-NEG нету

Нигде ничего нет.

Предполагается, что все отрицательные местоимения и наречия могут согласовываться и с модальным отрицательным глаголом *čedalbi-* 'не мочь, не уметь' (о специфике отрицания при местоименных прилагательных см. ниже).

12. Сельк.Вас. С-61 (стр. 12) «Рассказ охотника»

qai-li ugu-m-naj ko-ggu čedzal-b-ak.
что-ADJz шапка-ПОSS.1SG- найти-INF не.мочь-NEG PSTN-1SG.sub

Никакой шапки найти не могу.

От вопросительного местоимения *qaji* 'что, кто' путем прибавления суффикса прилагательного *-li* образуется местоименное прилагательное *qaji-li* 'какой', которое, в свою очередь, может быть подвергнуто отрицанию при добавлении от-

рицательного элемента *-naj* 'NEG' – *qaji-li-naj* 'никакой'. При использовании отрицательного местоименного прилагательного *qaji-li-naj* 'никакой' между его составными частями *qaji-li* 'какой' и *-naj* 'NEG' может стоять существительное, к которому это отрицательное местоименное прилагательное относится [10, с. 158].

13. Сельк.Нарым. С-65 (стр. 71) «Сказка про брата и сестру»

qaj-li ni'dzi zenih.
что-ADJz такой жених

Какой такой жених.

14. Сельк.Нарым [10, с. 157]

na qaj-li tica waşe- mbi-dil ti a: tö-ll- adi.
там- что- птица взлететь- сюда NEG OPT- (3SG. ob) ABL1 ADJz- NEG PRS. PTCP

Оттуда никакая птица сюда не прилетит.

15. Сельк.Вас. [10, с. 158]

na watto- ute qaj-li qum-nej aya kwen- gu-k.
это дорога- что- человек- NEG NEG пойти- НАВ- 3SG. sub ABL ADJz NEG

По этой дороге никакой человек не пройдет.

Реконструкция

Согласно предложенной гипотезе отрицательные местоимения и наречия сформировались при помощи эмфатической частицы *naj* 'даже, тоже, также, же', встречающейся в южных диалектах селькупского языка. Данная частица грамматикализовалась в отрицательный элемент в составе местоимений и наречий в результате цикла Есперсена.

16. Сельк.Тым. С-56 (стр. 193) «Сказка дом зайца»

loya-n nej mat-ti t'ang-a.
лиса-GEN тоже дом- отсутствовать-POSS.3SG 3SG.sub

У лисы тоже дом отсутствует.

Необходимо отметить, что отрицательные местоимения (наречия) изменяются по падежам и могут присоединять маркеры числа и посессивности. Данные маркеры следуют сразу за основой и предшест-

вуют отрицательному суффиксу. Это еще раз показывает то, что элемент *-naj* грамматикализовался в последнюю очередь и является относительно новым явлением. Однако встречаются случаи, когда, например, маркер падежа следует за отрицательным суффиксом или дублируется, появляется до и после отрицательного суффикса. Объяснение может быть связано с процессами утраты и возобновления парадигмы при контактном влиянии русского языка.

17. Сельк.Нар. [11, с. 133]

<i>loʒa</i>	<i>qaj-m-naj-m</i>	<i>a</i>	<i>ko-mb-at.</i>
лиса	что-ACC- NEG-ACC	NEG	найти-PSTN- 3SG.ob

Лиса ничего не получила.

Рассмотрим процесс грамматикализации эмфатической частицы *naj* в отрицательную составляющую отрицательных местоимений и наречий на примере вопросительного местоимения *kuti* 'кто'. (Для анализа мы воспользуемся формами, данными в словаре Я. Алатало (2004): *kuti* 'кто'; *naj* 'также/NEG'; *aša* 'NEG.PTCL' (№ 751, 170, 229) [16].) Можно предположить, что изначально отрицание местоимений (и наречий) происходило путем прибавления отрицательной частицы или сказуемого к вопросительному местоимению (наречию) – *kuti* + *aša*. Постепенно, в рамках цикла Есперсена, эмфатический элемент *naj* присоединяется к местоимениям (наречиям) с целью усиления отрицания – *kuti* + *naj* + *aša*. Со временем он начинает фиксироваться в данной позиции, превращаясь в клитику (энклитику), постепенно теряя свою эмфатическую/семантическую значимость (*semantic bleaching/loss*) и со временем предположительно грамматикализуется в отрицательный элемент – *kuti-naj* + *aša*.

Мы придерживаемся трактовки, согласно которой элемент *naj*, в конструкции *kuti* + (-)*naj* + *aša*, теряя свою эмфатическую функцию, начинает превращаться в элемент отрицательной полярности, то есть элемент, который больше не является эмфатическим, но еще не является отрицательным и появляется только в сфере действия отрицания. Конструкция *kuti* + (-)*naj* начинает восприниматься как местоимение отрицательной полярности, и в свою очередь данная конструкция не может использоваться самостоятельно, но только в связке с маркером отрицания/отрицательным сказуемым *kuti* + (-)*naj* + *aša*, таким образом, воспринимаясь как единое целое. Впоследствии из общего отрицательного контекста местоимение отрицательной полярности, а именно элемент *-naj*, перенимает на себя функцию отрицания и начинает восприниматься как самостоятельное отрицательное местоимение *kuti* (-)*naj*, которое требует

в предложении отрицательного согласования *kuti* (-)*naj* + *aša*.

Существование самостоятельных отрицательных местоимений в рассматриваемых диалектах можно подтвердить следующими примерами:

18. Сельк.Вас. С-61 (стр. 8)

<i>tau</i>	<i>mat</i>	<i>kudī-nnaj?</i>
этот	дом	чей-NEG

Этот дом ничей?

19. Сельк.Нар. С-65 (стр. 154)

<i>kuza-nnaj</i>	<i>got-ti</i>	<i>kwaja-k.</i>
когда-NEG	лес-LAT1	ходить-3SG.sub

Никогда в лес не ходи (нетипичный пример – нет отрицательного согласования).

Существуют и другие подобные примеры, однако они встречаются очень редко, так как довольно сложно найти данные местоимения/наречия в эллиптическом контексте, как в примере № 18 (без использования отрицательного предиката). В примере № 19 наблюдается несогласование отрицательного местоимения с предикатом, который должен находиться в отрицательной форме. Подобные примеры тоже встречаются довольно редко.

Данные северных диалектов селькупского языка пока не позволяют дополнительно прояснить картину эволюции данных местоимений/наречий, так как отрицание происходит в них по другой модели [17]. Данные других южных диалектов пока не в полной степени изучены, однако в одних случаях они могут демонстрировать полное сходство с рассматриваемыми данными нарымского, васюганского и тымского диалектов селькупского языка, в других случаях, как, например, в кетском, демонстрируется тенденция слияния местоимения с элементом *|naj|* и частицей стандартного отрицания в единое целое, которое в предложении дополнительно сопровождается отрицанием при предикате.

20. Сельк.Кет. С-65 (стр. 194)

<i>tep</i>	<i>kutt'a-n-assi</i>	<i>kobde-p</i>	<i>assi</i>	<i>idz'e-t.</i>
3SG	where-NEG. POL-NEG	деньги- ACC	NEG	взять- 3SG.ob

Он ниоткуда денег не возьмет.

Существование отрицательных неопределенных местоимений в других диалектах селькупского языка будет обсуждаться отдельно и не является предметом обсуждения данной статьи.

Не стоит забывать, что цикл Есперсена – это диакронически длительный процесс, который подразумевает существование на определенной стадии

нескольких вариантов (в нашем случае отрицательных местоимений и наречий), одни варианты из которых остаются в языке, другие, в свою очередь, утрачиваются. Приведем пример действия цикла Есперсена из французского языка, где представляется возможным проследить данный процесс в диахронической перспективе [18, р. 2–3]:

Французский

- a. *Il ne peut venir ce soir.*
 b. *Il ne peut pas venir ce soir.*
 c. *Il peut pas venir ce soir.*
 он NEGмочь NEG прийти этот вечер

He can't come tonight. 'Он не может прийти сегодня вечером'.

Изначально для отрицания в предложении используется стандартный маркер отрицания *ne(a)*, затем для усиления отрицания добавляется лексема *pas* изначально означающая 'царг', но впоследствии реанализируемая в маркер отрицания (b). На третьей ступени маркер отрицания *ne* выпадает и остается только маркер отрицания *pas(c)*. Причем необходимо отметить как минимум одновременное существование стадий а и b, а также b и c. Схожие явления наблюдаются и в ваховском-васюганском диалекте хантыйского языка (на синхронном уровне), где также зафиксированы образования неопределенных отрицательных местоимений по двум моделям [19].

Следует отметить, что на данной стадии изучения вопроса в рассматриваемых диалектах селькупского языка возможны следующие варианты выражения функции отрицания при местоимениях (при рассмотрении данных местоимений в эллиптических конструкциях типа «Кто это? – Никто!»): 1) *kuti + naj + aša*, где элемент *naj* в качестве элемента отрицательной полярности используется только в составе подобных конструкций, и вся конструкция выражает функцию неопределенного отрицательного местоимения; 2) *kuti + naj*, где элемент *naj* в качестве элемента, выражающего отрицание, используется для формирования самостоятельного неопределенного отрицательного местоимения. При этом

в языке могут отмечаться до трех омонимичных элементов (-)naj: 1) эмфатическая частица «даже, тоже, же»; 2) элемент отрицательной полярности; 3) элемент, выражающий отрицание.

В данной статье рассмотрены основные стратегии отрицания местоимений и наречий в центральных диалектах селькупского языка. При отрицании подобных местоимений и наречий демонстрируется избыточное отрицание, происходит отрицательное согласование, при котором к местоимению или наречию присоединяется отрицательный суффикс *-naj*, который сопровождается в предложении стандартным отрицанием: отрицательными частицами *-aša 'NEG'*, *ikə 'NEG.IMP/NEG.OPT'*, предшествующими предикату, либо самими семантически отрицательными предикатами – бытийным *čāŋku-* 'отсутствовать', отдельно для нарымского диалекта бытийными *n'etu-* 'отсутствовать', *n'etu* 'нету', модальным вспомогательным *čedalbi-* 'не мочь, не уметь'.

Далее было показано, что отрицательные местоимения и наречия в центральных диалектах селькупского языка сформировались при помощи частицы *naj* 'даже, тоже', которая сначала служила для прагматического выделения отрицаемого местоимения, наречия в предложении. Впоследствии, в результате цикла Есперсена, частица *naj* предположительно превратилась в клитику, примыкающую к отрицаемому местоимению/наречию с последующим процессом закрепления данного элемента в этой позиции. Параллельно происходило семантическое/прагматическое обесцвечивание, утрата функции эмфатического элемента (-)naj, а затем обретение новой, внутрисвойственной функции – функции отрицания данного элемента из общего отрицательного контекста. Согласно архивным данным, можно предположить, что наравне с самостоятельными неопределенными отрицательными местоимениями *kuti + (-)naj* используются местоимения отрицательной полярности, появляющиеся только с маркером отрицания *kuti + (-)naj + aša*.

Архивные данные

Архив ЯНС ТГПУ

Тома (С) С-34, С-42, С-56, С-58, С-59, С-61, С-65, С-66.

Архив Кузьминой А. И.; Гамбургский университет

Тома (Т) Т-6, Т-14.

Список сокращений

Сельк.Вас. – селькупы, васюганский диалект.

Сельк.Кет. – селькупы, кетский диалект.

Сельк.Нарым. – селькупы, нарымский диалект.

Сельк.Тым. – селькупы, тымский диалект.

Список литературы

1. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
2. Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю. и др. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2013. 318 с.
3. Haspelmath Martin. Indefinite pronouns. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1997. 364 p.
4. Zeijlstra Hedzer Hugo. Sentential Negation and Negative Concord: Thesis (doctoral). Amsterdam: LOT, 2004. 315 p.
5. Horn Laurence R. A natural history of negation. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 637 p.
6. Anderson Stephen R., Zwicky Arnold M. Clitics // International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set. Volume 1, Second Edition.; Editor in Chief: William J. Frawley. Oxford: University Press, 2003. pp. 325–328.
7. Bybee Joan L., Perkins Revere, Pagliuca William. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 398 p.
8. Dahl Osten. Typology of sentence negation. // Linguistics 17. Mouton Publishers, 1979. pp. 79–106.
9. Devos M., Van der Auwera J. Jespersen cycles in Bantu: double and triple negation // Journal of African Languages and Linguistics 34, 2013. pp. 205–274. (52 p.). URL: <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Bantu%20Jespersen%20May%202012.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).
10. Ильяшенко И. А. Местоименные слова в южных диалектах селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1989. 193 с.
11. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 2. Томск: ТГУ, 1995. 292 с.
12. Фильченко А. Ю. Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах // Урало-алтайские исследования. 2013. № 1 (8). С. 55–99.
13. Filchenko A. Ju. Asymmetric Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2013. № 2. Pp. 29–49.
14. Alatalo Jarmo. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. SOCIÉTÉ FINNO-UGRIENNE HELSINKI, 2004. 465 S.
15. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том I. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 412 с.
16. Быконя В. В. Происхождение средств выражения категории отрицания в селькупском языке // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 4 (145). С. 61–66.
17. Ковылин С. В. К проблеме множественного отрицания в восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 10 (151). С. 106–113.
18. Van der Auwera J. On the diachrony of negation // The Expression of negation; ed. by L. R. Horn. Berlin: Mouton, 2010. pp. 73–101. (24 p.). URL: http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/vdA_DiachronyNegation_LHedit_JvdA.pdf (Accessed: 06 April 2014).
19. Ковылин С. В. К вопросу об отрицании при вопросительных и неопределенных местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 17–28.

Ковылин С. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: sergey@scalpnet.ru

Материал поступил в редакцию 14.01.2015.

S. V. Kovylin

ON NEGATION OF PRONOUNS AND ADVERBS IN CENTRAL DIALECTS OF SELKUP

The article examines main strategies of negation of pronouns and adverbs in central dialects of Selkup, on the basis of Narym, Vasjugan and Tym dialects. The negative pronouns and adverbs are formed by a marker of negation *[naj]* and occur in sentences with a negative predicate which manifests obligatory double negation. There can be two types of negative predicates: 1) those is formed by negative particles – *[aśa]* ‘NEG’, *[ikə]* ‘Neg.Imp/ Neg.Opt’ preceding the verbal predicate; 2) inherent negative predicates *[čāŋku-]* ‘be absent’, *[nietu-]* ‘be absent’, *[nietu]* ‘there is no’, *[čedalbi-]* ‘not be able’. So, in this case, negative concord takes place. According to the proposed thesis, in the dialects under study, negative pronouns and adverbs were formed, with the help of the particle *[naj]* with emphatic semantics ‘even, too’, and obtained negative sense through the Jespersen Cycle, as a case of grammaticalization process.

Key words: *negative pronouns and adverbs, negation, grammaticalization, Jespersen cycle, endangered Siberian languages.*

References

1. Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk, TSPU Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
2. Tuchkova N. A., Glushkov S. V., Kosheleva E. Yu. i dr. *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka: monografiya* [Selkup: Sketches of traditional culture and Selkup language: monography]. Tomsk, Tomskiy Politehnicheskii Universitet Publ, 2013. 318 p. (in Russian).
3. Haspelmath Martin. *Indefinite pronouns. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 364 p.
4. Zeijlstra Hedzer Hugo. *Sentential Negation and Negative Concord*. Thesis (doctoral). Amsterdam: LOT, 2004. 315 p.
5. Horn Laurence R. *A natural history of negation*. Chicago, University of Chicago Press, 1989. 637 p.
6. Anderson Stephen R., Zwicky Arnold M. Clitics. *International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set. Volume 1, Second Edition.*; Editor in Chief: William J. Frawley. Oxford: University Press, 2003. pp. 325–328.
7. Bybee Joan L., Perkins Revere, Pagliuca William. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, The University of Chicago Press, 1994. 398 p.
8. Dahl Osten. *Typology of sentence negation*. Linguistics 17. Mouton Publishers, 1979, pp. 79–106.
9. Devos M., Van der Auwera J. Jespersen cycles in Bantu: double and triple negation. *Journal of African Languages and Linguistics* 34, 2013, pp. 205–274. (52 p.). URL: <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Bantu%20Jespersen%20May%202012.pdf> (Accessed: 15 September 2014).
10. Il'yashenko I. A. *Mestoimennye slova v yuzhnykh dialektakh sel'kupskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk.* [Pronoun words in southern dialects of Selkup: dis. ... cand. of phil. sci.]. Tartu, 1989. 193 p. (in Russian).
11. Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnye dialekty. Chast' 2.* [Morphology of Selkup Language. Southern dialects. Part 2.]. Tomsk, TGU Publ., 1995. 292 p. (in Russian).
12. Fil'chenko A. Yu. Otritsanie v vostochnohantyyskikh i yuzhnosel'kupskikh dialektakh [Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup dialects]. *Uralo-altajskie issledovaniya – Ural-Altai studies*, 2013, no. 1 (8), pp. 55–99 (in Russian).
13. Filchenko A. Yu. Asimmetrichnoe otritsanie v vostochno-khantyyskom i yuzhno-sel'kupskom [Asymmetric Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, № 2, pp. 29–50 (in Russian).
14. Alatalo Jarmo. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX.* Societé Finno-Ougrienne Helsinki, 2004. 465 p.
15. Kuznetsova I. A., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Socherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Sketches of the Selkup language. Taz dialect]. Volume I. Moskow, MGU Publ., 1980. 412 p. (in Russian).
16. Bykonya V. V. Proisozhdenie sredstv vyrazheniya kategorii otritsaniya v sel'kupskom yazyke [The origin of means of expression of the category of negation in Selkup]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, no. 4 (145), pp. 61–66 (in Russian).
17. Kovylin S. V. K probleme mnozhestvennogo otritsaniya v vostochnykh dialektakh hantyyskogo i yuzhnykh dialektakh sel'kupskogo yazyka [On the problem of multiple negation in eastern dialects of Khanty and southern dialects of Selkup]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 10 (151), pp. 106–113 (in Russian).
18. Van der Auwera J. *On the diachrony of negation. The Expression of negation*; ed. by L. R. Horn. Berlin: Mouton, 2010. pp. 73–101. (24 p.). URL: http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/vdA_DiachronyNegation_LHedit_JvdA.pdf (Accessed: 6 April 2014).
19. Kovylin S. V. K voprosu ob otritsanii pri voprositel'nykh i neopredelennykh mestoimeniyah i narechiyah v vahovskom i vasyuganskom dialektakh hantyskogo yazyka [On negation of interrogative and indefinite pronouns and adverbs in Vach and Vasjungan dialects of Khanty]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, issue 2 (4), pp. 17–28 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: sergey@scalpnet.ru